АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 903.21'12.05(=554)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/22-28

Л.Н. Жукова*

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ НОЖЕЙ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЫМЫ И ЧУКОТКИ: ОТ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ К ИЗДЕЛИЯМ ИЗ ЖЕЛЕЗА

В статье рассматривается вопрос о возможном продолжении сумнагинских (мезолитических) и неолитических традиций изготовления ножей из кости и камня в инструментарии юкагиров и чукчей в конце XIX – начале XX вв. Опираясь на труды В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза, автор сопоставляет прямые и изогнутые, мужские и женские железные ножи. Юкагиры и чукчи пользовались русскими и якутскими ножами, изделиями собственных кузнецов, которые копировали ножи пришлых народов и перенесли на новый материал некоторые проверенные временем традиционные формы изделий.

Ключевые слова: северо-восток Азии, каменные ножи, костяные ножи, юкагиры, чукчи, традиционные формы, кузнечное дело

Traditional forms of knives among the indigenous population of Kolyma and Chukotka: from stone to iron items. LYUDMILA N. ZHUKOVA (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article discusses the possible continuation of Sumnagin (Mesolithic) and Neolithic traditions of making bone and stone knives in the tools of the Yukagirs and Chukchi in the late XIXth and early XXth centuries. Relying on the works of Vladimir Jochelson and Vladimir Bogoraz, the author compares straight and curved, male and female iron knives. The Yukagirs and the Chukchi used Russian and Yakut knives along with the products of their own blacksmiths who copied the knives of newcomers and transferred some time-proven traditional forms onto the items made out of the new material.

Keywords: North-East Asia, stone knives, bone knives, Yukagirs, Chukchi, traditional forms, blacksmithing

Начиная с палеолитического времени нож – одно из основных орудий труда охотников и рыболовов Сибири. На археологических памятниках Якутии обнаружены ножи различных форм

и способов изготовления: каменные с одно – и двусторонней ретушью листовидной, овальной и других форм; ножи на осколках кости, отщепах, пластинах; комбинированные ножи на ко-

* ЖУКОВА Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: zjukova@mail.ru

© Жукова Л.Н., 2017

стояной или деревянной основе с пазами, в которые в качестве лезвия вставлены каменные пластины-вкладыши.

Анализ инвентаря мезолитических и неолитических памятников Якутии позволил предположить, что древнейшим дошедшим до нашего времени является нож с ассиметричным сечением [4]. Вдоль одного или двух лезвий крупных сколов проделывали длинные пазы, куда вставляли вкладыши – плоские, отретушированные пластины кремня, обсидиана или халцедона. Эти древние ножи были изготовлены на крупных сколах с полых трубчатых костей крупных животных. Используемые в качестве основы сколы определяли форму и сечение будущих изделий. Одна боковая сторона соответствовала естественной поверхности кости и была выпуклой. Другая сторона вогнута и представляла плоскость продольного раскола кости с естественным желобком по центру – здесь был костный мозг. Асимметрия сечения продиктована формой исходного материала и является относительно надежным показателем всей группы. Такие ножи более устойчивы к излому.

С применением этой технологии изготовлен сумнагинский однолезвийный кинжал с алданской стоянки Белькачи I [12, с. 246, табл. 43, рис. 18]. Составные изделия найдены в одиночных грунтовых могилах среднего неолита на реках Олекме и Амге. В (мужском?) погребении на стоянке Малая Джикимда на Олекме «упираясь острым концом в тазовые кости, лежал костяной вкладышевый нож, в пазу которого было закреплено пять кремневых пластин, обработанных с брюшка односторонней ретушью» [1, с. 32, табл. 15, рис. 15]. В погребении мужчины из Онньесского захоронения на Амге целый игловидный костяной наконечник длиной около 20 см с 7 вкладышами находился справа возле тазовых костей погребенного. По-видимому, таким же наконечником с двумя пластинами по сторонам жала добыт горностаи, находившийся между голенными костями мужчины. Человек, скорее всего, умер насильственной смертью: «в левой половине тазовой кости торчал обломок (острие) игловидного костяного наконечника стрелы» [11, с. 60-61, табл. 4].

На средней Колыме «в каждой коллекции мало-мальски раскопанного памятника присутствуют каменные вкладыши, вставляемые в костяные основы» [10, с. 40]. На стоянке Каменка I в третьем раннеолитическом слое к такой группе вооружений относятся пять микровкладышей из черного камня. «Они лежали цепоч-

кой в ряд, продолжая друг друга, что характерно для набора каменных вкладышевых лезвий, закрепленных в пазах костяных или деревянных оправ наконечников копий или кинжалов» [10, с. 19].

На р. Индигирке костяной остроконечник с пазами для вкладышей по двум длинным сторонам поднят в осыпи позднеолитической стоянки Уларовская [15, с. 147, рис. 96/10].

Технология изготовления составных вкладышевых изделий в период существования сумнагинской и следующих за ней неолитических культур, по всей вероятности, была однотипной практически на всей территории древней Якутии (реки Алдан, Олекма, Мая, Колыма, Индигирка). Характеризуя инвентарь сумнагинской (мезолитической) культуры, Ю.А. Мочанов писал об исключительно широком использовании «в качестве колющих и режущих орудий составных комбинированных изделий, имеющих вид костяных или деревянных основ с пазами для крепления пластин-вкладышей. Недаром вкладыши оказываются преобладающим типом изделий на всех сумнагинских стоянках» [12, с. 246]. Изготовление комбинированных орудий было известно не только аборигенным племенам – наследникам сумнагинской культуры, но и пришлым группам, хоронившим умерших в грунтовых могилах. Этот тип захоронений и сопровождающий инвентарь (диски и изделия из нефрита и проч.) указывают на южные истоки традиции [5; 6]. Не исключено, впрочем, что этими составными орудиями аборигенных племен были убиты пришлые люди, захороненные в грунтовых могилах.

В соответствии с исторической эпохой менялся материал, совершенствовались технологии и приемы изготовления орудий. Следующий этап технологических новаций колюще-режущих изделий связан с появлением металлов. Скорее всего, юкагиры южной, центральной и северной Якутии познакомились с железом в разные исторические периоды. Исследователь юкагирской культуры В.И. Иохельсон считал, что еще 200-250 лет назад у колымских юкагиров господствовал каменный век. Исторические предания верхнеколымских юкагиров сообщают, что железные изделия, в том числе топоры, им дали русские землепроходцы [7, с. 105-133, № 28, 29]. У юкагиров тундры записано предание о юкагире, который приобрел железный топор у первых прибывших на их территорию якутов [8, с. 598]. Индигирские юкагиры узнали железо от якутских вооруженных воинов,

возможно, еще до прихода русских казаков [14, с. 23].

В середине XVIII в. самые восточные группы юкагиров – чуванцы и ходынцы, проживавшие по р. Анадырь, уже имели разнообразные изделия из железа и могли его обрабатывать [3, с. 246-262]. Юкагирские кузнецы вместе с технологическими приемами заимствовали формы изделий, копируя предметы, поступавшие к ним от других народов. К таковым можно отнести железные ледорубы, наконечники стрел, топоры, скребки и проч. [8, с. 542, рис. 19, 24, 61, 64-67]. По мере овладения металлопроизводством кузнецы стали переносить на новый материал некоторые проверенные временем традиционные формы изделий. К таким традиционным формам можно отнести копье, которым убивают оленей из челноков [8, с. 549, рис. 22], нож со специфической ассиметричной формой сечения. Теоретически, в инструментарии юкагиров могли быть металлические ножи своих, юкагирских, форм, якутские и русские.

В.Л. Серошевский в исследовании о якутах писал, что правая сторона железного ножа, бытующего у якутов, «слегка вогнута», но «в последнее время с этой стороны стали делать якутские мастера желобок» [13, с. 382]. То есть, первоначально характерный желобок отсутствовал на якутских ножах. Именно эти ножи со «слегка вогнутой» правой стороной имел в виду исследователь, собравший сведения о распространённости клинков якутского типа: они «широко разбросаны по Европе и Азии в могильниках курганного типа» [13, с. 382-383]. Скорее всего, под влиянием аборигенных форм появился кованый так называемый якутский нож с ассиметричным сечением, желобком вдоль лезвия и массивным обушком. Можно полагать, что традиция изготовления ножей с желобком является местной и имеет глубинные исторические корни, уходящие в мезолитическое время.

Бытовавшие у чукчей в конце XIX в. металлические прямые ножи с желобком, как считал В.Г. Богораз, были якутского производства. «Ножи якутского изготовления более подходящи для оленных чукох, потому что их узкие лезвия удобны для нанесения ударов при убое животного, а глубокий прорез вдоль лезвия удобен для быстрого стока крови из ран» [2, с. 148]. Книга В.Г. Богораза опубликована на английском языке в 1904 г., а значит версия о том, что желобок вдоль лезвия ножа удобен для быстрого стока крови, существует уже более ста

лет. Нами записаны несколько разных версий, объясняющих появление характерного желобка на лезвии металлического ножа, в том числе у юкагиров [4]. Ни одна из версий не связывает его появление с формой исходного сырья, что может свидетельствовать о давней утрате традиции изготовления комбинированных орудий на костяной/деревянной основе, а также косвенно указывает на древность самой традиции.

В исследовании В.Г. Богораза приведен рисунок чукотского ножа якутского производства, однако из-за невысокого качества судить об изделии по нему трудно. Ученый писал, что чукотские ножи разделяются на прямые и изогнутые, а также варьируются по величине. «Для повседневных работ предпочитают употреблять изогнутые ножи. Прямой нож служит для обычного резания, употребляется также пастухами для убоя оленей, он же употребляется за столом для резания и рубки мяса» [2, с. 147]. По всей вероятности, до знакомства с железом функции прямого заимствованного ножа выполняли чукотские прямые ножи из кости и камня. Примечательно, что в собственном инструментарии не было ножа для убоя домашнего животного, для этих целей стал применяться железный нож инородного происхождения. Это может говорить в пользу позднего появления оленеводства у данного народа.

В книге приводятся несколько типов изогнутых ножей чукчей, в том числе для вырезывания ложек, и нож обруселых аборигенов с. Марково (Рис. 1). С помощью жгута они крепились к деревянной рукояти [2, рис. 132 а-е]. Многие из чукотских изогнутых ножей правильнее называть резцами и резчиками. Можно предположить, что отдельные их формы представляют перенесенные на металл типы древних местных изделий из камня, своими истоками уходящие в сумнагинскую микролитическую технологию. Дело в том, что у оленных чукчей относительно поздно появились свои кузнецы. Наряду с использованием изделий из железа, захваченных во время набегов на соседние народы (юкагиры, коряки) [3], чукчи продолжали пользоваться традиционным инструментарием из природных материалов. Только «в середине XIX в. железо, медь проникли во все уголки Чукотки и прочно вошли в обиход чукчей» [9, с. 71].

Образцы четырех юкагирских ножей из железа помещены в книге В.И. Иохельсона (Рис. 2), рисунки схематичны и не позволяют определить характерные отличия, в т.ч. наличие желобка. Ножи имеют инвентарные номера и

Рис. 1. Ножи чукотские: а, б, с – изогнутые; d – длинный изогнутый нож обрусевших аборигенов, с. Марково; е – для вырезывания ложек.

Источник: [2, с. 147, рис. 132].

хранятся в числе других предметов юкагирской коллекции в американском Музее Естественной истории. В.И. Иохельсон писал: «Общее название ножа *чобойэ* (а также *чирхачи*, это старый термин), но у каждого вида ножа имеются и свои названия» [8, с. 603]. Из четырех ножей им названы:

1) большой охотничий нож (*чомо чобойэ*), используемый для поделки оленей из челнока, а также для разделывания мяса лося или оленя. В другой своей работе В.И. Иохельсон писал, что большой нож (*чомо чобойэ*) – «боевое оружие, в виде короткой сабли, по-якутски называется *батас*» [7, с. 69, № 17 (примечание 7)];

2) большой набедренный нож¹ (*чабин чомо чобойэ*), «имеет форму охотничьего копья, лезвие которого заточено с одного края. Тупая сторона такого ножа тяжела и массивна. Им пользуются для рубки деревьев, когда разводят костер». Рисунок показывает, что в сечении нож имеет вогнуто-клиновидную форму;

3) большой набедренный охотничий нож с тем же названием. Судя по рисунку, возможно сходство с описанным выше чукотским прямым ножом якутской работы;

4) нож для резьбы по дереву *шаадаайэ* (от *шаал* «дерево», *аам* «сделать») имеет загнутый кверху конец. «Этот тип ножей употребляется для окончательной отделки долбленного челнока, чашек и других деревянных сосудов».

Рис. 2. Ножи юкагирские: а – большой охотничий; б, в – набедренные охотничьи (б – для рубки деревьев, в – охотничий), д – для обработки дерева, с ножами.

Источник: [8, с. 602, рис. 62].

¹ Такие ножи носили справа в ножнах, прикрепив к одному из костяных колец кожаного пояса, называемого *игидиэнэ*. Ремешки на нижнем конце ножен завязывали вокруг бедра. Чукчи носили ножи в ножнах на поясе.

Такой же, но немного шире, является женским портновским ножом, *иудьин-чобойэ*, т.е. «нож для шитья». Название женского кройльного ножа *иудьин-чобойэ* является общим для языка лесных и тундровых юкагиров, что говорит о его древнем происхождении [8, с. 481]. Иногда женщины лесных юкагиров таким ножом сбривали волосы на лобке [8, с. 604].

Другой тип ножей с изогнутым лезвием называют *эрийэч*. Иных сведений об этом оружии В.И. Иохельсон не приводит.

Примечательно, что при описании юкагирских железных прямых ножей не указывается характерный желобок. Однако большой набедренный нож (*чабин чомо чобойэ*) имеет сечение вогнуто-клиновидной формы, лезвие его заточено с одного края. По заточке лезвия изделие напоминает описанный выше олекминский костяной вкладышевый нож с кремневыми пластинами, обработанными с брюшка односторонней ретушью. Односторонняя краевая заточка лезвия характерна для части сумнагинских изделий, у них отсутствовала сплошная бифасиальная обработка. У кремневых орудий сумнагинцев «обрабатывалось только рабочее лезвие. Исключительно редко ретушь заходила на прилегающие к лезвию участки брюшка или спинки» [12, с. 246]. Юкагирский нож *чабин чомо чобойэ*, по-видимому, имел двойное назначение: 1) боевое (имел «форму охотничьего копья»), 2) бытовое (использовался для рубки деревьев (для костра))². В качестве параллели можно назвать возможное боевое назначение описанного выше неолитического составного олекминского ножа: он находился в грунтовом захоронении погибшего насильственной смертью человека (мужчины-воина?). Примечательно, что этот костяной вкладышевый нож и вкладышевый игловидный костяной наконечник из Онньесского захоронения на Амге находились возле тазовых костей погребенных.

Отсутствие желобка на юкагирских железных ножах конца XIX – начала XX вв. можно объяснить тем, что учителями колымских юкагирских кузнецов были якуты. «Очевидно, юкагиры научились кузнечному искусству у якутов, которые пришли сюда в XVII в., вытесняемые русскими» [8, с. 598]. Как мы знаем, на изделиях якутов желобок появился относительно поздно. У железных ножей противоположный лезвию обушок приобрел массивность, что отметил В.И. Иохельсон: «Тупая сторона такого

ножа тяжела и массивна». В настоящее время (конец XX – начало XXI вв.) лесные юкагиры пользуются металлическим ножом с желобком и асимметричным клиновидно-вогнутым сечением. Такой нож распространен в Якутии повсеместно.

Другой набедренный охотничий нож с тем же названием (*чабин чомо чобойэ*) имеет возможное сходство с описанным выше чукотским прямым ножом с желобком «для быстрого стока крови из ран», который, согласно В.Г. Богоразу, имел якутское происхождение. Отсюда логично вытекает предположение, требующее дальнейшего подтверждения, о присутствии характерного желобка на данном типе юкагирских набедренных охотничьих ножей.

Приведенные В.И. Иохельсоном описания показывают, что юкагирские ножи с изогнутым лезвием подразделялись на три типа, имели разные названия и назначения:

- нож для резьбы по дереву *шаадаайэ* с загнутым кверху концом;
- такой же, но немного шире, женский портновский нож *иудьин-чобойэ* (нож для шитья);
- другой тип ножей *эрийэч* неизвестного назначения.

К сожалению, в книге показан только нож для резьбы по дереву. Перспективными могут быть сопоставления юкагирских и чукотских изогнутых ножей из коллекций В.Г. Богоразы и В.И. Иохельсона. Возможно, в своем генезисе некоторые их формы были общими и имели прототипами ножи, резцы или комбинированные орудия каменного века, сделанные на микропластинах, пластинах и отщепах. Сопоставления покажут, существовала ли преемственность между аборигенной сумнагинской микролитической традицией и перенесенными на новый материал – железо – проверенными тысячелетиями форм изделий. Это также доказывало бы предполагаемую древнюю общность юкагирской и чукотской культур.

Итак, юкагиры северо-восточной Якутии вплоть до конца XVI – начала XVII в., а чукчи – до середины XIX в. пользовались ножами различных форм и назначения, изготовленными из камня и кости. Об использовании составных вкладышевых ножей в историческое время сведения отсутствуют. В.И. Иохельсон считал, что с железом юкагиры познакомились ранее прихода русских на северо-восток Азии: «Древние юкагиры могли приобретать железо у якутов или японцев через курильцев, камчадалов

² В юкагирском изобразительном и песенном искусстве дерево и человек являются синонимами.

и коряков или у китайцев через тунгусов» [8, с. 598-599]. Впоследствии юкагирские кузнецы научились добывать местную руду и ковать железо. Они копировали ножи пришлых народов (якуты, русские) и перенесли на новый материал некоторые проверенные временем формы традиционных изделий. По В.И. Иохельсону, отдельные изделия из железа, бытовавшие у юкагигов, имели параллели в инструментарии других народов северо-востока Азии (курильцы, камчадалы, коряки, тунгусы, имевшие связи с японцами и китайцами).

У чукчей же даже в конце XIX в. работа по железу была мало развита из-за трудности изготовления древесного угля, необходимого для кузнечного производства [2, с. 149]. Поэтому чукчи работали преимущественно по холодному железу подпилком и молотком. Длительное сохранение чукчами традиционного инструментария из природных материалов способствует установлению параллелей как с прачукотскими колюще-режущими изделиями, так и с ножами соседних юкагигов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996.
2. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
3. Гурвич И.С. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. Т. 35. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 246-262.
4. Жукова Л.Н. Феномен «якутского» ножа // Очерки по юкагирской культуре. Ч. 3. (Из ранее опубликованного). Якутск: Бичик, 2013. С. 71-79.
5. Жукова Л.Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26 октября 2015. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 317-342.
6. Жукова Л.Н. Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтнографический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3. С. 19-26.
7. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005.
8. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и

З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.

9. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / Под ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1987.

10. Кашин В.А. Неолит Средней Колымы: сборник трудов. Новосибирск: Наука, 2013.

11. Козлов В.И. Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 55-61.

12. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977.

13. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993.

14. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996.

15. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.

REFERENCES

1. Alekseev, A.N., 1996. Drevnyaya Yakutiya: neolit i epokha bronzy [Ancient Yakutia: the Neolithic and Bronze Age]. Novosibirsk: Izd-vo IAiE SO RAN. (in Russ.)
2. Bogoraz, V.G., 1991. Material'naya kul'tura chukchey [Material culture of the Chukchi]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
3. Gurvich, I.S., 1957. Yukagiry chuvanskogo roda v seredine XVIII v. [The Yukagirs of the Chuvash family in the middle of the XVIII century]. In: Sibirskiy ehtnograficheskiy sbornik. T. 35. Moskva-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 246-262. (in Russ.)
4. Zhukova, L.N., 2013. Fenomen «yakutskogo» nozha [The phenomenon of the "Yakut" knife]. In: Ocherki po yukagirskoy kul'ture. Ch. 3. (Iz ranee opublikovannogo). Yakutsk: Bichik, pp. 71-79. (in Russ.)
5. Zhukova, L.N., 2015. Drevnie gruntovye pogrebeniya r. Kolymy (paleoetnograficheskiy analiz) [Ancient soil burials of the Kolyma river (paleoethnographic analysis)]. In: Homo Eurasicus v sistemakh sotsialnykh kommunikatsiy. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 26 oktyabrya 2015. Moskva-Berlin: Direkt-Media, pp. 317-342. (in Russ.)
6. Zhukova, L.N., 2015. Neoliticheskoe pogrebenie Kamenka II na Sredney Kolyme (paleoetnograficheskiy analiz) [Neolithic burial Kamenka II on the Middle Kolyma river

(paleoethnographic analysis)], Severo-Vostochniy gumanitarniy vestnik, no. 3, pp. 19-26. (in Russ.)

7. Jochelson, V.I., 2005. Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik. (in Russ.)

8. Jochelson, V.I., 2005. Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy [Yukagir and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

9. Krushanov, A.I. ed., 1987. Istoriya i kul'tura chukchey. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Chukchi. Historical and ethnographic essays]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

10. Kashin, V.A., 2013. Neolit Sredney Kolymy: sbornik trudov [The Neolithic Age of the Middle Kolyma: a collection of works]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

11. Kozlov, V.I., 1980. Novye arkheologicheskie pamyatniki Amgi [New archaeological sites of Amga]. In: Novoe v arkheologii Yakutii. Yakutsk: Izd-vo YaF SO AN SSSR, pp. 55-61. (in Russ.)

12. Mochanov, Yu.A., 1977. Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii [The earliest stages of the settlement of Northeast Asia by man]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

13. Seroshevskiy, V.L., 1993. Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya [The yakuts: an attempt of ethnographic study]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

14. Spiridonov, N.I., 1996. Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma district]. Yakutsk: Severoved. (in Russ.)

15. Fedoseeva, S.A., 1980. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii [Ymyakhtakh culture of North-East Asia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)